

Россия - 2005 - 20-26 января - с. 19

Нежное обаяние шансона

У Ирины Богуславской свой узнаваемый сценический почерк. Аристократический лоск парижских кафе, душевность русских романсов, легкость фокстрота и джазовая раскованность сочетаются в ее песнях с удивительно женственной, утонченной подачей и бережным отношением к слову. Очень нехарактерный для современной российской эстрады стиль, по-своему развивающий лучшие традиции отечественной песни, заставляющий вспомнить творчество Анны Герман и Клавдии Шульженко, но одновременно — и декадентскую изломанность Александра Вертинского. 21 января во МХАТе им. Горького Ирина Богуславская презентует новый альбом «Нежные вещи», ставший ее третьей студийной работой.

Беседовал
Владимир Чебурахин

— Ирина, расскажите, пожалуйста, о новом альбоме. Как проходила его запись?

— Работа над альбомом — вещь живая и непредсказуемая. Изготовление живой музыки — это некая алхимия. Когда вдруг оказывается, что какой-то ингредиент не в тех количествах или он не такой, как ты хотел, может испортиться абсолютно все. К счастью, в этом проекте мне безумно повезло с музыкантами. Наверное, это вторая такая удача в моей жизни.

— А какая была первой?

— Когда мы записывали альбом «Книга песен» со «Случайным оркестром», который состоял наполовину из музыкантов группы «Несчастный случай», а наполовину из музыкантов «Оркестра форсмажорной музыки». Это была дружеская компания единомышленников. Мы прекрасно друг друга понимали, поскольку много лет работали вместе с одним и тем же режиссером в Студенческом театре МГУ. Честно говоря, у меня было несколько составов, и с ними приходилось расставаться или по профессиональным, или по человеческим качествам. Но сейчас у меня феерическая команда и я очень счастлива!

— Каков же нынешний состав? Что за чудесные люди,

о которых вы говорите с такой теплотой и восторгом?

— У меня замечательные музыканты: Света Мочалина из первого состава, мы с ней постоянно работаем с 1998 года. Еще есть фантастический контрабасист Абелардо Альфонсо Лопес, с которым нас познакомил Саша Скляр. У него потрясающее сценическое чутье: так правильно и в то же время интересно ведет себя на сцене, что приятно просто смотреть, как он играет, это бесконечно выразительно! Барабанщик Антон Дашкин, очень интересный гитарист Ваня Жук, если он правильно все сделает в жизни, то будет великим... А еще у нас американский перкуссионист Дэвид Граут. Вообще он звукооператор по профессии, а музыка — это его увлечение по жизни. Сначала Дэвид собирал разные шуршалки, гремелки, стучалки, звенелки, потом профессионально занялся игрой. Вот для работы над моим альбомом он выписал себе из Америки по каталогу какие-то дарабуки и кунки, специальные колокольчики, много разных интересных вещей. Этот человек помешан на разных звуках и создает на сцене шаманскую атмосферу.

— Таким образом, у вас сформировался интернациональный состав: кубинец, американец, русские. Это не могло не отразиться на звучании!

— Абсолютно верно! На самом деле я подбирала коман-

ду, чтобы играть определенную музыку. Для этой пластинки я выбрала вещи, которые по жанру очень хорошо друг с другом сочетаются. Может быть, это результат работы над босановами Жобима, может быть, результат того, что я сама очень люблю все эти американские истории: и танго, и сальсу, и меренги. У меня написано несколько латинообразных вещей, как я их назвала, «бразильский шансон». И мне, конечно, были нужны люди, которые чувствуют эту музыку. И лучшего человека, чем кубинец Абелардо, найти сложно. А Дэвид — очень музыкальный человек, он блестяще играет на гитаре, замечательно поет и очень любит исконную американскую музыку. И вот с этой командой мы записали альбом, причем очень легко и быстро! Самые большие проблемы на этой записи были у меня с самой собой.

— Вот как?!

— Скажем, заглавную песню «Нежные вещи» я решила аранжировать следующим образом: спеть сама с собою а капелла на 15 голосов. И выяснилось, что это самое трудное, что может быть! Когда один твой вокал накладывается на другой твой вокал, это гораздо опаснее, чем когда тебе подпевают другие люди. Я не знаю, как это объяснить с психологической точки зрения и нужно ли это делать, но возникают звуковые артефакты, какие-то искажения по звуку, и чтобы их избежать, нужно специальным образом эти треки обрабатывать. Мы страшно намучались с этими «Нежными вещами», но получилось очень красиво! То есть мучения были не зря.

— Насколько известно, у вас готово больше песен, но не все они вошли в альбом «Нежные вещи». Что же объединяет песни, оказавшиеся вместе на этой пластинке?

— Когда ты готовишь альбом, в общем-то, представляешь себе все эти аранжировки, но никогда не сможешь с уверенностью сказать, что запишешь именно то, что у тебя в голове. Мне казалось, что материал, который я отобрала для записи, достаточно однородный. А в результате в записи проявилось, что у некоторых вещей совершенно другая природа. Буквально говоря, есть последовательность именно нежных вещей, каких-то легких, светлых песен о любви или, наоборот, грустных, но со светлыми нотами, а есть вещи жесткие, театральные, драматические, с грустными финалами. Когда я компоновала материал, то пыталась почувствовать переходы между окончанием одной песни и началом следующей, чтобы ничто не ломало впечатления, когда ты слушаешь альбом. И я поняла, что никуда не могу вставить песни вроде «Офелии» или «Блудного ангела», они разрушают ткань. Пришлось сказать им «до свидания». Но это тоже неплохо, потому что 14 песен — нормальное количество для альбома. К тому же осталось дописать 7–8 вещей такого же рода — и можно выпускать диск с театральной программой, которую я исполняю со Светой. А буквально вчера я закончила новую песню для своего диска баллад.

— Вы еще и отдельный диск баллад готовите?

— Я несколько лет подряд пишу и складываю в стол медленные баллады о любви. Они очень красивые, и их надо аранжировать специальным образом. Надо будет делать более классические аранжировки, может быть, с Малым симфоническим оркестром.

— Как бы вы определили настроение нового альбома? Есть ли в нем что-то еще, помимо нежности?

— Настроение очень светлое. Очень много позитивной

музыки, местами заводной. Эту музыку можно слушать в красивом театральном зале, также под нее запросто можно танцевать в клубе. Получилась универсальная программа.

— Есть две точки зрения на процесс создания музыки: первый, когда приходит озарение свыше, второй — результат долгой кропотливой работы. Как это чаще всего происходит у вас?

— У меня, к сожалению, никогда не было так, чтобы я с утра проснулась и сказала себе: так, сейчас я сажусь писать песню! Действительно, это процесс спонтанный и, к сожалению, мною не управляемый. Если бы он был управляемым, я занималась бы только этим, потому что это очень приятно. Вообще я не очень люблю говорить про какие-то высшие источники, потому что к таким вещам надо относиться с чувством юмора. Когда человек на голубом глазу вещает, что у него в голове начинают звучать голоса, сразу хочется набрать «03»! Ну да, каждый творческий человек не может объяснить как-то иначе. Как художник видит на холсте какие-то линии и начинает их как-то проявлять. Это все попахивает шизофренией, но творчество — это всегда отклонение от нормы. И тут ничего не поделаешь. Нормальные люди встают и идут на работу в 9, а в 6 они уже дома и смотрят телевизор.

— Все, кто когда-либо писал про ваше творчество, сходились во мнении, что его нельзя относить к какому-то одному жанру. Например, Артемий Троицкий назвал его «модерн-шансоном».

— Отличное название! Пускай так и будет.

— Но вы не любите шансон!

— Если мы говорим о тюремной музыке, которую почему-то называют «русским

Шуршалки, гремелки — и еще самой спеть на 15 голосов

шансоном», то да, я не выношу блатной музыки, правда. Меня прямо плющит, когда я ее слышу, не нравятся эти ребята. С этим блатняком я не имею ничего общего. И я не

рок-исполнитель, хотя кое-кто из этой компании мне и нравится в последнее время — BillyTs Band, 5Tnizza, «Ва-Банк». Все равно — я не рок-певица. Мое творчество мож-

но назвать именно шансоном, это хорошо известный французский жанр, в котором работали замечательные люди, написавшие море великолепной музыки.